

заговоры полководцы. Но сразу же последовало и разочарование: тщетно Алексей отстаивал преимущества прав Феодоры — синклитики, избавившись от испуга, отдали предпочтение Зое²⁷. Не случайно через 50 дней патриарх уклонился от венчания Зои и ее нового мужа — императора Константина IX Мономаха. Византийские авторы не говорят, почему бракосочетание совершил пресвитер храма Стип²⁸. Армянский же современник этих событий Аристакес Ластивертци указывает на нарушение Зоей при вступлении в этот брак (он был третьим) «канонических правил»²⁹. Третьим же этот брак был и для Константина. Это обстоятельство и было, видимо, формальным предлогом для патриарха отказаться от участия в церемонии бракосочетания. Подлинная же причина уклонения владыки от этого акта заключалась, по нашему мнению, в том, что возглавлявшая им группировка была враждебной и Зое, и ее новому мужу.

Наконец, наиболее интересным и существенным нам представляется вопрос о позиции торгово-ростовщической и ремесленной верхушки столицы накануне и в ходе восстания. Сп. Врионис, касаясь этой проблемы, пытается выделить ремесленников и торговцев, объединенных в «цехи», из прочего «простого» населения столицы. Однако едва ли верно его стремление рассматривать «цехи» как социально недифференцированное целое. Не можем мы согласиться и с утверждениями этого ученого, будто до ссылки Зои сначала оказал поддержку Михаилу V «простой люд» столицы, а лишь затем — «цехи» и что императора погубили его меры против Зои, так как он попра л народные чувства привязанности к представителям Македонской династии³⁰.

Торгово-ростовщическую и ремесленную верхушку столицы составляли в это время, как справедливо устанавливает М. Я. Сюзюмов³¹, отнюдь не члены корпораций в целом и не только главы корпораций, а наиболее видные представители корпораций тавулариев, аргиропратов, трапезитов (менял) и вестипратов, а также судовладельцы. Эти «аристократы денег» были ростовщиками и откупщиками государственных налогов. С подчиненными им ремесленниками и членами менее привилегированных корпораций их разделяли не меньшие противоречия, чем с прочим не организованным в корпорации трудящимся населением Константинополя.

«Денежные» люди, игравшие существенную роль в экономической жизни столицы, оказались в правление Романа III и Михаила IV в относительно более благоприятных условиях, чем в предшествующий период, что, на наш взгляд, явствует из наблюдений за судьбой братьев Пафлагонцев и из проводимой одним из них — временщиком Орфанотрофом — политики.

По крайней мере трое старших братьев, Иоанн, Константин и Георгий, были сначала менялами, иначе говоря — членами богатой корпорации трапезитов. Согласно сообщению Скилицы, это «ремесло» освоил и Михаил — будущий император³². Уже в конце царствования Василия II Пафлагонцы были достаточно состоятельными в имущественном отношении людьми. Старший, Иоанн, уже тогда был вхож к императору, приглашавшему его на заседания узкого совета доверенных лиц, и находился в близких отношениях с экономом св. Софии, а затем — эпархом столицы, родовитым константинопольцем Романом Аргиром. В 1028 г., когда Роман стал императором, Пафлагонцы были введены во дворец. Иоанн приобрел огромное влияние на императора и скоро превратился во всесильного

²⁷ *Psellos*, I, p. 116.1—8.

²⁸ *Cedr.*, II, p. 542.15—18.

²⁹ Повествование вардапета Аристакеса Ластивертци. Перевод с древнеармянского, вступительная статья, комментарий и приложения К. П. Юзбашяна. М., 1968, стр. 78.

³⁰ *Sr. Vryonis*. Op. cit., p. 299.

³¹ Византийская книга эпарха. Вступительная статья, перевод, комментарий М. Я. Сюзюмова. М., 1962, стр. 36—37, 39—41, 108, 128, 141, 152 сл.

³² *Cedr.*, II, p. 504.17—18.